

подсистемы управления знаниями и обучением производится сбор информации о производительности инновации, передача её участникам инновационного процесса для обнаружения проблем и возможных улучшений. Обучение способствует улучшению понимания самого инновационного процесса.

Особо подчеркнём, что для пуска инновационной системы необходимо осуществить синхронизацию целей участников инновационного процесса. Институт синхронизации способствует интеграции инновационной идеи во внутреннюю среду, обеспечивая сопровождение и поддержку инновации на всех этапах её жизненного цикла, формируются внутрифирменные институты, способствующие благоприятному развитию инновации. Таким образом, становится возможным осуществлять и поддерживать реализацию самой инновационной деятельности фирмы более эффективно.

Список цитированных источников

1. Клейнер, Г.Б. Эволюция институциональных систем. – М.: Наука, – 2004. – 239 с.
2. Полтерович, В.М. Элементы теории реформ. – М.: Экономика, – 2007. – 447 с.

Стрелец М.В., д.и.н., профессор
УО «Брестский государственный технический университет»,
г. Брест, Республика Беларусь
mstrelez@mail.ru

НАЛОГОВАЯ РЕФОРМА МАТИАСА ЭРЦБЕРГЕРА В ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Матиас Эрцбергер (1875–1921) принадлежал к правящей политической элите Веймарской Германии. С 21 июня по 2 октября 1919 г. этот государственный деятель был вице-канцлером в правительстве Густава Бауэра. С 21 июня 1919 г. до 12 марта 1920 г. он был рейхсминистром финансов в данном правительстве.

«Эрцбергер сформировал новую систему налогового управления и своими реформами заложил основы современной налоговой системы Германии»[1]. Поэтому есть смысл подробно остановиться на деятельности данного политика на посту рейхсминистра финансов.

Он прекрасно понимал, что находившийся в состоянии коллапса германский народнохозяйственный комплекс можно реанимировать на принципиально новой ресурсной базе, ключевым сегментом которой являлись финансовые ресурсы. Известно, что последние формируются из разных источников. Для тогдашней Германии базисным финансовым ресурсом являлись поступления в виде налогов и пошлин. Для того, чтобы гарантировать в долгосрочной перспективе соответствующие поступления, объём которых коррелировался бы с национальными интересами первой германской республики, рейхсминистру надо было, прежде всего, ответить на следующие вопросы: 1) сложилась ли в рейхе единая налоговая система; 2) есть ли расстыковка в управлении налогами, которые касаются как рейха, так и входящих в него административно-территориальных единиц (земель, общин). На первый вопрос мог быть дан только отрицательный ответ, на второй – только утвердительный. Естественно, необходимо было безотлагательно исправить существовавшее положение.

Конечно, Эрцбергеру пришлось брать в расчёт все возможные объекты взимания пошлин, налогообложения и, естественно, оптимально определять, кто должен быть субъектом соответствующего взимания и обложения. При этом не раз и не два решались уравнения со многими неизвестными. Ряд административно-территориальных единиц желали постоянно видеть себя в качестве именно таких субъектов, болезненно воспринимая подобную субъектность со стороны рейха. Самым трудным испытанием для рейхсминистра явилось утверждение субъектно-объектных отношений по линии: имперское управление пошлинами – предметы потребления. Южный сегмент германской политической элиты земельного уровня, а также власть имущие в ганзейских городах-государствах считали приемлемыми указанные отношения только по линии: земельное управление пошлинами – предметы потребления. Линия, отстаиваемая оппонентами рейхсминистра финансов, вписывалась в конституцию Германской империи 1871 года, чётко и ясно отражалась в статье 36, абзаце 1 настоящего Основного закона. Эрцбергер умело использовал то обстоятельство, что его видение управления пошлинами совпадало с позицией ключевой составляющей первой германской республики – Пруссии. Самыми сильными аргументами рейхсминистра в споре с оппонентами были аргументы исторического характера. Оппоненты не могли не согласиться с тем, что германский пошлинный союз был удачным экспериментом. Точка в данном споре была поставлена Национальным собранием, которое придало позиции Эрцбергера статус закона.

Задумывая широкомасштабную общегерманскую финансовую реформу, рейхсминистр систематически доводил свой проект до сведения всех значимых игроков на германской политической сцене. Фактически предусматривалась реализация модели материального финансового сообщества в первой германской республике. Базисом для функционирования данного сообщества представлялась общеимперская политика. Именно от этой политики должно было отталкиваться управление пошлинами, налогами. Именно благодаря данной политике гарантированно снимался вопрос о требуемых для всей Германии в целом ресурсах финансового характера. Несомненно, что из всех субъектов материального финансового сообщества главная роль в управлении пошлинами, налогами отводилась рейху. Политик не забывал, естественно, о соблюдении баланса интересов между всеми субъектами данного сообщества и, конечно, учитывал интересы земель, общин. Принципиально важно отметить, что первыми, кто услышал из уст рейхсминистра о планируемой реформе, были представители высших органов исполнительной власти германских земель. Это произошло во время его встречи с этими лицами 13 июля 1919 г.

Эрцбергеру было хорошо известно, что финансовые средства, которыми пополнялась общегерманская казна за счёт налогообложения, составляли лишь 20% от реальной потребности. Рейхсминистр был глубоко уверен, что если единый общегерманский подоходный налог станет реальностью, данная потребность будет удовлетворена на 100%. В процессе подготовки реформы необходимо было отвечать на такой вопрос: «Каким быть общегерманскому управлению финансами: централизованным или децентрализованным?». В этой связи член кабинета министров выступил за разумное сочетание централизации и децентрализации с достижением для последней максимума, диктуемого рациональной логикой. Иными словами, если рациональная логика диктовала необходимость усиления децентрализации, то Эрцбергер видел в этом деятеля партии Центра к соотношению централизации и децентрализации в данном вопросе был сильным ходом в ожидании реакции со стороны такого предполагаемого субъекта материального финансового сообщества, как земли. Если их градируют по ответу на вопрос: «Имперское финансовое управление: за или против?», то получалась следующая картина. В лагерь принципиальных противников Эрцбергера входили Бавария, Вюртемберг, Ольденбург, Саксония, в лагерь принципиальных сторонников – Баден, Бремен, Мекленбург. В рамках настоящей градации в третьем лагере оказались Пруссия, Гамбург. Позиция субъектов третьего лагеря, несомненно, была ближе к первому лагерю, чем ко второму. Эти субъекты требовали от рейхсминистра финансов внесения в проект реформы изменений, которые никак не отнесёшь к кардинальным. Причины такой градации следует искать в региональных особенностях функционирования механизмов управления налогами, пошлинами. В плане наличия весьма устойчивой, перманентно дееспособной институциональной базы для осуществления соответствующей функции явными лидерами были Бавария, Вюртемберг. В отличие от них в Пруссии самостоятельная институциональная база в подобной сфере отсутствовала, то есть в структуре высшей исполнительной власти данной земли не было самостоятельного органа налоговой службы. В ключевой составляющей рейха речь шла о специальном отделе при конкретных правительственных подразделениях.

Рейхсминистр финансов поставил точку в собственном проектировании закона о едином имперском финансовом управлении 19 июля 1919 г. Через 24 дня та часть германской политической элиты, от которой зависела судьба соответствующего проекта, слушала его глубоко аргументированное выступление по данному вопросу. Видному политику пришлось проявить и несомненные дипломатические способности. Именно они помогли ему склонить на свою сторону южный сегмент германской политической элиты. Весомая часть этого сегмента выступила одной из сторон «Веймарского соглашения». Другой стороной настоящего соглашения явился сам рейхсминистр. «Веймарское соглашение» давало ответ на следующие принци-

ально важные вопросы: 1) каков должен быть предмет ведения земельных министерств финансов; 2) что следует конкретно понимать под округами, местами деятельности этих ведомств; 3) можно ли считать министра финансов конкретной земли высшей инстанцией для субъектов земельной финансовой службы? Чёткие и ясные ответы на два первых вопроса, однозначно положительный ответ на третий вопрос преопределили превращение вчерашних оппонентов в сторонники. Самым примечательным для Эрцбергера был позитивный сигнал со стороны активно набравшего политический вес Йозефа Вирта. Этот традиционный баденский лоббист стал позиционировать себя сторонником рейхсминистра финансов без всяких «но» и «если». Эрцбергер и представители земель нашли разумный компромисс по следующему вопросу. Нет, конечно, нужды доказывать азбучную истину: планируемый имперский подоходный налог – источник доходов. Участникам дискуссий гораздо труднее было определиться с вкладом субъектов материального финансового сообщества в эти доходы. Теоретически напрашивались три варианта ответа: первый вариант – монопольный вклад рейха, второй вариант – паритетный вклад рейха и земель; третий вариант – основной вклад рейха при минимальном вкладе со стороны земель. Первый вариант был неприемлем для

земель, второй – для рейха, только третий вариант представлял собой базу для компромисса, что в конечном итоге и сработало. Принципиально важно отметить, что в авангарде выступивших против первого варианта была Пруссия. Через 74 дня после обнародования окончательного проекта закона о едином имперском финансовом управлении соответствующий закон стал реально работать на общегерманском пространстве, что, несомненно, явилось личной победой Эрцбергера.

В связи с данной реформой вполне резонной представляется постановка следующего вопроса: «К какому лагерю принадлежал Эрцбергер: федералистскому или унитаристскому?» Содержание проведённой реформы свидетельствовало в пользу последнего, но никак не первого. Политиком двигало глубокое понимание того, что не может быть альтернативы жёсткому акценту на наращивание общегерманских правовых основ. Альтернативный путь привёл бы к крайне опасным центробежным тенденциям, сохранению тупика в финансовой сфере, консервации экономического коллапса, исключил бы реальную возможность выполнения государством социальной функции.

Имперский министр финансов был генератором идей на предмет формирования нормативно-правового комплекса, всесторонне регулировавшего налогообложение ключевых административно-территориальных единиц – земель. Итоговая точка в соответствующих усилиях видного деятеля партии Центра была поставлена 11 марта 1920 г. Наиболее чувствительным для соотечественников моментом в указанном комплексе были принципиально новые тарифы, которые стали появляться к концу третьего квартала 1919 г. Новизна последних заключалась в очевидном росте количественных параметров, который не мог не вызывать цепную реакцию. В условиях экономического коллапса такой рост был связан с хождением по лезвию у его инициатора. Серьёзные испытания выпали на долю последнего, когда подобные шаги коснулись товарооборота. Среднестатистический бюргер покупал, например, и без того дорогие продовольственные товары. Именно этот бюргер с момента объявления о грядущем повышении соответствующих тарифов не мог не считать Эрцбергера «врагом косвенного налогообложения народа». Конечно, тот же бюргер, не принимая никаких иных шагов исполнительной власти, кроме популистских, никак не хотел понимать, что других путей достижения позитивных изменений в национальном бюджете первой германской республики просто не существует. В непростое положение поставила видного деятеля партии Центра солидарность с этим бюргером главы имперского правительства и члена кабинета Бауэра, всецело сконцентрированного на вопросах снабжения. И всё-таки Эрцбергер долго стоял на своём, упорно добиваясь принятия соответствующего нормативно-правового акта.

Конечно, товар товару рознь. Есть товары неэксклюзивные и эксклюзивные. Последние связаны, прежде всего, с покупательной способностью состоятельных бюргеров. Естественно, у рейхсминистра оставался только один резерв, связанный с эксклюзивными товарами. Налоги на эти товары имели место ещё до назначения Эрцбергера рейхсминистром финансов. Политик счёл целесообразным расширить данные налоги. Такой подход свидетельствовал о наличии в концепции рейхсминистра следующей установки: градация по объёму доходов детерминирует градацию объектов налогообложения. Всё население градировалось на «имущие классы» и «неимущие классы». Первые в отличие от вторых были, образно говоря, с «работоспособными плечами». Именно благодаря первым предусматривалось наполнение реальным содержанием базисного сегмента налогообложения. В концепции видного деятеля партии Центра были детально продуманы механизмы как прямого, так и косвенного налогообложения. Если всё налогообложение приносило общие доходы, которые можно принять за 100%, то касательно первого и второго видов налогообложения виделось такое соотношение: 60% на 40%. Проявляя политическое мужество, видный деятель партии Центра решил учредить особые обязанности верхней части «имущих классов», гарантированно

не сделав их субъектом уплаты «имперской жертвы». Для рейхсминистра это было вопросом его политической судьбы. Он был не из тех, кто соглашался на карьерный рост без всяких «но» и «если». Давно выдавив из себя раба, Эрцбергер в ответ на предложение Густава Бауэра войти в его кабинет поставил вопрос ребром: или формируемое правительство будет инициировать уплату «имперской жертвы», или в нём будет иной рейхсминистр финансов. В очередной раз обращаясь к нравственному измерению политики, он называл конкретно тот слой бюргеров, который сильно нажил за счёт военных доходов. Кроме того, размер «имперской жертвы» был настолько значительным, что её уплата вела к очевидному уменьшению имущественной дистанции между верхней частью «имущих классов» и остальным обществом.

Рейхсминистр постоянно дифференцированно подходил к налогам, считая приоритетным налог на доход. Политику представлялось крайне неудовлетворительным то обстоятельство, что подобный налог не являлся единым общегерманским. Рейх недополучал существенную часть необходимых финансовых ресурсов из-за того, что такие нормативно-правовые акты (аж целых 26!) были приняты земельными парламентами со всеми вытекающими из этого последствиями. Эрцбергер также понимал, что реалии настоятельно требовали корректировки закона о налогах на доходы с капитала, что необходимо

принципиально новое правовое регулирование налога на корпорации. Следуя своей принципиальной политической установке, этот деятель видел в высоких доходах потенциальный объект налогообложения, что отражалось в проектах соответствующих законодательных изменений. Обосновывая подобные изменения, данный сторонник единства политики и морали поставил, в частности, острый вопрос о наличии достаточных и запредельных потребностей и, естественно, о налогообложении, связанном с реализацией именно запредельных потребностей. В ответ на постановку подобного вопроса образовался лагерь принципиально не согласных с рейхсминистром, в который вошли субъекты реализации указанных потребностей, лоббисты их интересов в рейхсминистерском корпусе, в институтах гражданского общества, делегировавших своих представителей в кабинет Густава Бауэра.

Главным итогом анализируемых усилий видного политика явилось появление законов, образовавших принципиально новый сегмент в правовом поле. «В период реформы были приняты такие законы, которые основательно затронули интересы владельцев имущества, собственников. Так, закон о чрезвычайных военных займах за отчетный 1919 г. предписывал налоги от 10 до 70% с дополнительных доходов, учитывая, что 1919 год уже являлся мирным годом. Закон от 10 сентября 1919 г. о военных кредитах облагал рост имущества налогами от 10 до 100 %. Закон об имперской жертве от 31 декабря 1919 г. начинался предложением: «п.1. Чрезвычайные нужды рейха требуют жертв через введение налога на имущество от 10 до 65%». Кроме того, закон о налогах на приобретенную землю, закон от 24.12.1919 г. о налогах на товарооборот, о порядке взимания имперского налога, который и составил ядро финансовой реформы Эрцбергера, сделали рейх сувереном в отношении налогов. При Эрцбергере были приняты закон о налогах с процентов на капитал, закон о налогах с доходов от 29 марта 1920 г., закон о налогах с земли от 30 марта 1920 г.

По мнению современного отечественного исследователя О.Г. Субботина, «покоившаяся на нормах веймарского конституционного права финансовая и налоговая реформы создали единую финансовую систему, которая дала центру беспорное преимущество над землями, позволила ему сосредоточить все источники прямых налогов и привести объемы налоговых поступлений в соответствии с потребностями и интересами всего государства. Она не уничтожила государственности немецких земель, однако стала важным инструментом социально-экономического и политического влияния центра в стране, явилась серьезным ударом по самостоятельности немецких регионов, лишившихся важного рычага влияния на государственную политику и превратившихся фактически в пансионеров рейха» [2, с. 200].

«Проводимая Эрцбергером политика централизации налоговых сборов и рост налогов с крупного капитала в целях оздоровления финансовой системы страны сделала его мишенью для правой пропаганды. В частности Эрцбергер неоднократно подвергался нападкам со стороны лидера Немецкой национальной народной партии Карла Гельфериха и был вынужден подать на него в суд за оскорбления в свой адрес в одной из изданных Гельферихом брошюр. Суд приговорил Гельфериха к незначительному денежному штрафу и частично согласился с изложением Гельфериха. Этот приговор считается известным примером политической юстиции в Веймарской республике, когда судьи часто были «слепы на правый глаз». Приговор суда послужил поводом для ухода Эрцбергера в отставку в тот же день [1]».

Список цитированных источников

1. Эрцбергер, Маттиас [Электронный ресурс]. – 9 марта 2012. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Эрцбергер.... – Дата доступа: 19.03.2012.

2. Евдокимова, Т.В. Трансформация правящей политической элиты Веймарской Германии (на примере рейхсканцлеров и состава их кабинетов). Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Т.В. Евдокимова. – Волгоград: ВГСПУ, 2012. – 684 с.

Тарасевич С.Б., к.э.н., доцент

УО «Витебская государственная академия ветеринарной медицины»,

г. Витебск, Республика Беларусь

stne7@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ВЗИМОСВЯЗИ ПЛАТЕЖНОГО БАЛАНСА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В ситуации высокой степени открытости национальной экономики, которым характеризуется хозяйственный комплекс Республики Беларусь, обеспечение экономического роста невозможно без внешнеторговой составляющей макроэкономического развития. Высокая степень импортоёмкости создаваемого ВВП породила в нашей экономике проблему большого отрицательного сальдо по внешнеторговому балансу.